Александр СЕМЁНОВ

ЖИЗНЬ В ЦВЕТНИКЕ

Александр Семёнов

ЖИЗНЬ В ЦВЕТНИКЕ

«Автор»

2024

Семёнов А.

ЖИЗНЬ В ЦВЕТНИКЕ / А. Семёнов — «Автор», 2024

Первое серьёзное разочарование. До сих пор всё в жизни шло как по рельсам, и вдруг — на пути тупик, стена, яма. Легко будет выбраться на прежнюю дорогу или найти новую? Многим это не удаётся, и они навсегда застревают на обходных тропинках. Справятся ли герои этой повести? Есть надежда, что да.

© Семёнов А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Александр Семёнов
ЖИЗНЬ В ЦВЕТНИКЕ

I

После школы Игорь хотел поступить на исторический факультет тогда ещё Ленинградского университета, но провалил медкомиссию. Странно? Вообще-то он был здоровенным парнем, с идеальным давлением, без замечаний по кардиограмме, хоть в космос лети. Срезался на таблицах Рабкина: что-то не то разглядел в цветных пятнах, не на каждой странице, от силы на трёх, но этого хватило.

При чём здесь исторический? А вот поедешь на раскопки, объяснил дряхленький дедуля-врач, найдёшь черепок десятого века и не сможешь определить цвет. Игорь возражал: как это не смогу, вот смотрите, рубашка синяя, халат белый, стена зелёная. В крайнем случае спрошу кого-нибудь…

Впервые в жизни у него было чувство, что он разговаривает со стеной.

Он подал документы на юридический, о котором и думать не хотел. Приходил на экзамены как робот, отвечал без души и, когда по конкурсу недобрал одного балла, вздохнул даже с облегчением.

Армия в ближайший год не грозила: день рождения в октябре, будет только семнадцать. Игорь достал злосчастные таблицы, выучил наизусть и решил летом вновь поступать на истфак, а пока устроиться на работу. Пусть ерундовую для начала – курьером, как герой известного фильма, или младшим дворником, – лишь бы не болтаться без дела. И по вечерам готовиться к будущим экзаменам, не забывать того, что знал, читать новое.

Родители на это сказали: если опять не поступишь, после армии найдёшь работу, а сейчас не валяй дурака, иди учиться хоть куда-нибудь.

Игорь представлял себе валяние дурака иначе. То, что ему советовали, куда больше напоминало валяние дурака. Но послушался, разведал техникумы в родном Василеостровском районе. Ближним к дому оказался издательско-полиграфический.

В приёмной комиссии техникума Игорю предложили на выбор две специальности: технологию изготовления печатных форм и технологию печатного производства. Он не поинтересовался разницей между ними, мысленно ткнул пальцем в первую. Был зачислен на третий курс и, лишь придя на занятия, понял, что разница всё-таки есть.

Он угодил в цветник. В группе оказалось трое парней и тридцать девушек – высоких и миниатюрных, стройных и плотненьких, шатенок, брюнеток, смешливых, задумчивых, каких только не было! Самые бойкие поинтересовались, что он тут забыл. Игорь объяснил как есть: я тут случайно, только пересидеть до весны. Не меньше половины девчонок ответили, что они здесь за тем же.

Все перезнакомились, стали заниматься. С точки зрения учёбы Игорь не заметил особенной разницы со школой: так же приходишь утром, садишься за четвёртую парту возле окна, на большой перемене идёшь в столовую. Предметы были другие, но в это он поначалу не слишком вникал, купил одну тетрадь для всех наук и писал в ней с любого места по вдохновению.

Гораздо больше наук его занимали одногруппницы, ничего удивительного, а интуиция подсказала, как держаться с ними: приветливо, но чуть в стороне, сохраняя достоинство. Это была верная стратегия, как он убедился на примере другого парня, Дениса. Тот стал им чуть ли не подружкой, и девочки улыбались ему в лицо, но, отворачиваясь, морщили носы, строили недоумённые гримасы.

О третьем из ребят, Марке, сказать почти нечего. Он имел ошарашенный вид, входил в аудиторию на цыпочках и, занимая место на камчатке, переставал дышать.

—

В этой группе не хватало лишь одного человека. Если вспомнить издалека, то год назад Игорю нравилась одноклассница Марина. Они катались на велосипедах, гуляли по аллеям Петергофа, даже раз поцеловались, но в октябре её мама вышла замуж за москвича и вместе с дочкой уехала к нему. Игорь с Мариной обменялись несколькими письмами, затем он не дождался ответа на одно, другое, третье и решил больше не унижаться.

Забыть о ней оказалось нелегко. Только на вступительных экзаменах он познакомился с Леной, и она мгновенно выбила Марину из головы. Лена приехала из Таганрога. У неё была самая длинная в мире фамилия – Константинопольская, мягкий южный говор, светло-русый хвостик и манера щёлкать семечки в любую минуту жизни. Они с Игорем вместе не увидели себя в списке зачисленных, вышли на Менделеевскую линию, и Лена первым делом достала из сумочки кулёк. «Будешь?» – «Спасибо», – кивнул Игорь, и она отсыпала пригоршню тыквенных. Потом всё-таки загрустила, и он так и не добился ответа, вернётся ли она поступать через год.

Игорь до сих пор этого не знал. В письмах Лены не было ни слова о будущем. Она устроилась работать на почту, купалась в море, ловила бычков, бегала на дискотеки. Обычная дружеская болтовня. Игорь пытался увидеть между строк намёки на иное, не видел, надеялся дождаться когда-нибудь… Насколько всё было бы проще, если б она осталась, поступила сюда!

Вот только девушки из группы день ото дня сбивали настрой. Долго ли проживут надежды, когда перед занятиями три подруги, став паровозиком между рядами, танцуют модную ламбаду? Игорь понял, что загляделся чересчур, когда они позвали его присоединиться. Он до сих пор не делал таких движений, но рискнул повторить за девчонками – что-то даже удалось, они похвалили. И, отправив его на место, принялись мериться талиями: подняли кофты, по очереди опоясали себя поверх белых маечек золотым шнурком. «Не втягивай живот». – «Он такой и есть, не успела позавтракать». – «Хочешь бутерброд?» – «Спасибо. Потом, на перемене…» Вышла в конце концов ничья.

Подруг звали Оля Бурцева, Юля Горелова и Жанночка Сметанина – самая маленькая в группе, ростом метр пятьдесят три. Оля и Юля, обе выше на голову, были похожи, как сёстры: рыжеватые, порывистые в движениях, с быстрой речью. Разными были глаза: у Оли – серые, распахнутые широко и открыто, у Юли – темнее, с хитреньким, лисьим выражением. И голос у Ольги пониже, грудного тембра.

Игорь сидел за одной партой с северной красавицей Раджаной Эсмиралиевой, а перед ними – очень высокая Таня Алексеева и небольшая, крепко сбитая Таисия Пронько. Обе приехали из Минска, где окончили ПТУ, здесь жили в одной комнате общаги и не могли обойтись без стычек ни дня. Только что мирно беседовали – и вдруг схватились без видимого повода, молотят друг дружку по рукам, плечам, спине. Запыхались, ужасно довольные, румяные, погрозили кулаками и как ни в чём не бывало продолжили разговор.

Из местных девушек с ними ближе других сошлась Настя Хромова, такого же роста, как Таня, но шире в плечах, кандидат в мастера спорта по волейболу. Минчанки однажды втянули её в возню – Настя вмиг зажала обеих под мышками, усмирила и выпустила.

– На-асть! – ахнула Таня, потирая шею. – Ты такая сильная!

– Что ты, – ответила Настя, – я слабая женщина.

– А-а, Наська женщина! – вступила Тася. – Сама призналась! Давай рассказывай, кто, где, когда?

– Да ну вас! – воскликнула Настя и подалась вперёд.

Таня и Тася благоразумно дали стрекача.

—

По вторникам студенты ездили в бассейн. Заходили в трамвай через три двери разом и, собираясь в середине вагона, тряслись по ухабистым рельсам шумно и весело. Смех заглушал громыхание колёс. Как это возможно – производить столько шума?! Игорь удивлялся, но и сам участвовал по мере сил, не забывая считать про себя: три остановки, две… ещё немного подождать – и он увидит девушек настоящими, без прикрас.

Девушки не признавали слитных купальников, из душевой выходили в бикини, одна другой моднее, особенно Оля в белоснежном и Юля в лиловом. Они плавали лучше остальных и, прежде чем нырнуть в ядовито-голубую хлорированную воду, гуляли по бортику, изображая манекенщиц. Здесь они были не настолько похожи. Оля оказалась чуть выше за счёт длины ног, её кожа смуглее, бёдра поуже, и грудь, хоть и небольшая, всё-таки угадывалась под лифом, а у Юли как будто и нет.

Что ни вторник, то открытие. Наташа Тарумова – скромная, всегда где-то сбоку, голос её слышен не каждый день – вот шагнула на стартовую тумбу, и Игорь замер на миг: сколько изящества, сколько грации! А Вика Черемных! А Света Головко и ещё одна Вика, Тимофеева… Нет, надо остыть. Двести метров кролем должны успокоить гиганта мысли.

Из бассейна возвращались на последнюю пару, но заниматься всерьёз не могли. Какие там знания, не уснуть бы… Сидели, бессмысленно глядя на доску, недобрым словом поминали того, кто составил расписание. Сам так не пробовал? Посмотрели бы на тебя!

—

Несколько дней в начале октября третий курс провёл на уборке урожая. Добирались до совхоза электричкой от станции Купчино. В первое утро, собравшись на платформе, огляделись: кого не хватает? Марка нет. Где Марк? Где наш поручик Ржевский, весельчак и балагур?!

– Да вы что! – сказала руководившая десантом Галина Дмитриевна, преподаватель истории отечественной печати. – Он уже три дня не ходит. Отчислился, забрал документы. Не заметили?

– Не-ет… – покачали они головами.

– Ну вы даёте.

Подъехала электричка, все вошли в полупустой вагон. Ведь не нужен никому этот Марк, вряд ли хоть кто-нибудь из одногруппников узнал бы его на улице – но, услышав новость, отчего-то притихли. Впрочем, ненадолго, остановки на две.

В совхозе их поставили на морковь. Убирает её комбайн: вытягивает из земли за ботву, по ленте загружает в кузов, но некоторую часть неизбежно роняет, другую не успевает защипнуть. Задачей было добрать с поля то, что он упустил.

Студенты надели перчатки, взяли лопаты, мешки. Направились к полю, предвкушая лёгкий труд, но оказалось, что этот комбайн, разиня и балбес, растерял едва ли не половину корнеплодов. Умаялись работники по-настоящему, на следующий день хватались за поясницы. Зато им разрешили каждый вечер увозить домой по авоське овощей, а через месяц на перемене позвали в бухгалтерию и выдали деньги. Это был первый заработок Игоря, если не считать стипендию.

—

В октябре отметили два дня рождения. Первый из них – самого Игоря. Он сомневался, устраивать ли званый вечер. Друзей, которых нельзя не пригласить, за год прибавилось вдвое, хватит ли места в большой комнате? И угощение готовить – можно разориться. Если бы работал, другое дело…

– Давай в последний раз, – сказала мама. – Прощание с детством, а через год сам. Если захочешь.

Она испекла печенье на всю компанию, а остальное, что могло понадобиться, гости принесли с собой.

Таня Алексеева вручила Игорю подарок от девушек из группы – портмоне с тремя новенькими червонцами. В одном из карманов на развороте было окно, в окне – фотография пышногрудой Саманты Фокс в полупрозрачной рубашке.

– Чтобы денег в жизни было, как у неё этого… короче, ты понял, – сказала Таня.

– Понял, спасибо!

Игорь осторожно поцеловал её в щёку, затем Таисию и всех, кто стоял рядом. Принял другие подарки: общий от одноклассников, личные от нескольких ребят. Отнёс в свою комнату – там Мурка, испуганная небывалой толпой, мяукнула с кровати вопросительно и сердито.

– Спокойно, все свои. – Игорь погладил её и раскрыл портмоне. – Нравится?

Мурка обнюхала его, легла и свернулась клубком.

Убирая подарки в шкаф, Игорь ещё раз взглянул на Саманту. Честное слово, девчонки в гостиной милее. И так ли уж необходимо, чтобы среди них была Лена Константинопольская?

Гостей собралось множество. Столько, что, когда выключили свет и запустили кассету с медленными мелодиями, танцевать пришлось в две смены. Игорю, как виновнику торжества, разрешили выходить в обе. Он приглашал одну девушку за другой, но, будь его воля, остановился бы на Оле Бурцевой. Как она чувствовала ритм! Какой упругой, гибкой была в его руках. И ладони на плечах, и эти глаза, почти чёрные от расширенных в сумраке зрачков… Несколько дней потом ходил как зачарованный, даже видел её лицо во сне.

Через неделю, в последнюю субботу октября, поздравили Настю Хромову. Ей стукнуло девятнадцать. Жила она вблизи станции метро «Приморская» не с родителями, а с женихом.

– Саня, приятно познакомиться! – встретил он гостей.

– Как мой брат, – чудесным грудным голосом отозвалась Оля.

– Сколько ему? – спросила Настя.

– Десять.

– Счастливое время, всё впереди, – сказал Саня. – Проходите, будьте как дома!

Он был старше всех. Двадцать четыре, ответил Юле на вопрос о возрасте. Высокий, худой, пружинистый – спортсмен, как и Настя, и вид спорта легко угадывался по свёрнутому носу и набитым костяшкам кулаков.

Было меньше танцев, чем неделю назад, и больше разговоров. Саня задавал настроение, сыпал без конца спортивными, армейскими историями. Гости устали смеяться. А когда собирались уходить, он отозвал Игоря и Дениса на кухню и дал им листки с написанным телефоном:

– Будут проблемы – звоните. Решим.

Он действительно решит – ясно было и по неожиданно суровому тону, и по огоньку, блеснувшему в глазах.

—

В перерывах между праздниками не забывали учиться. Игорь, жадный до всего, что касалось истории, больше других предметов полюбил историю отечественной печати. Только для неё он завёл и добросовестно заполнял именами, событиями, датами отдельную тетрадь.

На одну из пар Галина Дмитриевна принесла драгоценные экспонаты, гордость коллекции техникума – лубочные картинки, собранные до революции по избам крестьян. Штурм Измаила, похождения блудного сына, подвиг Козьмы Крючкова – всё было здесь, а кроме того, немало бытовых сюжетов.

– Кот Васька не мышей ловил, а сметану воровал, был застукан с поличным и наказан метлой. Посмотрите, только осторожно. – Галина Дмитриевна положила лист на первую парту возле окна. – Прочитайте подпись, можно вслух.

– Жаль Ваську! – отозвалась со среднего ряда Оля.

– Последнюю строку не пойму, – сказала Жанночка. – «А у Васьки а-аж…» – прочитала она и осеклась. – Нет, давайте лучше вы.

И передала картинку назад.

– «А у Васьки ажно…» – тихо произнесла Наташа Тарумова и встряхнула головой. – Нет, лучше вы.

И передала картинку назад.

– «А у Васьки ажно жо…» – прочитала Тася Пронько и уронила голову на руки, давясь неудержимым смехом.

– Тихо, не помни́! – сказала Таня Алексеева и передала картинку назад.

– «Загуляла метла знамо дѣло, а у Васьки ажно жопа забздѣла!» – с интонацией диктора Кириллова прочёл Игорь до конца.

– Да, наши предки не боялись меткого народного слова, – сквозь общий хохот заключила Галина Дмитриевна.

Но Ваську было всё-таки жаль.

—

Следующей парой в расписании стояла технология изготовления печатных форм. Это был главный предмет, так называлась и сама специальность. Всё остальное – рюшечки и бантики, по большому счёту, а вот не сдашь технологию – и вылетишь ясным соколом за порог. Но как её сдать? Бывают чудеса, думал Игорь, всякие бывают, маленькие и большие… но не такие, что могли бы спасти его на первой в жизни сессии.

Вёл предмет завуч техникума Алексей Геннадьевич – молодой, лет тридцати на вид, очень вежливый и спокойный.

– Наши учебники устарели пять лет назад, так что можете не открывать, – сказал он в день знакомства. – Сейчас всё очень быстро меняется. Дело идёт к тому, что скоро останется только офсетная печать, в очень редких случая глубокая, и вёрстка будет на компьютере. Но пока нам не обойтись без высокой печати и наборной строкоотливной машины, в просторечье именуемой линотипом. Хотя это разные вещи, наборная строкоотливная машина и линотип.

Алексей Геннадьевич объяснил разницу – Игорь не понял. Преподаватель стал чертить на доске устройство машины, всё больше увлекаясь. Видно было, что он знает агрегат назубок, может не только нарисовать, но и разобрать-собрать с закрытыми глазами; что ему нравится, как подогнаны детали, продуманы узлы, как шестерёнка цепляет маховик, приводя в движение здесь и там десяток рычажков. Видно было, что эта машина для него почти живая и важнее всех слушателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.